

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI 10.18101/2686-7095-2026-2-45-52

СВОЕОБРАЗИЕ И ФУНКЦИИ ИРОНИИ В РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА О ДЕТЯХ И ЖИВОТНЫХ

© Чжан Жуй

аспирант кафедры истории русской литературы,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Россия, 119234, г. Москва, Ленинские Горы, 1
zntwjcn@gmail.com

Аннотация. Предметом исследования являются особенности иронии А. П. Чехова в произведениях о детях и животных (рассказы «Гриша», «Ванька», «Спать хочется», «Каштанка» и «Белолобый»). Ирония в рассказах А. П. Чехова о детях и животных отличается от других видов иронии в произведениях писателя, ибо дети и животные как герои рассказов имеют особенный взгляд на людей и события, с которыми они сталкиваются. Для данной статьи важны мысли, высказанные в монографии «О поэтике Чехова» Э. А. Полоцкой. Проведен текстуальный анализ рассказов, рассмотрено внутреннее сходство между объектами исследования. Важнейшей особенностью сюжета этих рассказов является несоответствие между сознанием героев и окружающей их средой: не только перипетии сюжета, но и абсурдность последствий тесно связаны с этим несоответствием. Отсутствие авторской позиции позволяет формировать более широкое пространство для интерпретации. Во всех случаях ирония проистекает из контекста. Автор приходит к выводу, что иронию в этих рассказах нельзя считать проявлением субъективного отношения автора, но можно рассматривать как иронию жизни и даже иронию судьбы. Кроме того, ирония в таких рассказах вызывает у читателя сочувствие и симпатию вместо насмешки или сатиры.

Ключевые слова: А. П. Чехов, ирония, объективная ирония, ирония судьбы, особенности иронии, косвенная ирония, поэтика Чехова, интерпретация, контекст.

Для цитирования

Чжан Жуй. Своеобразие и функции иронии в рассказах А. П. Чехова о детях и животных // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2026. Вып. 2. С. 45–52.

Введение

Ирония в литературоведении может рассматриваться как риторический прием или эстетический художественный модус [14, с. 127]. Однако начиная с периода романтизма исследователи стали уделять больше внимания изучению иронии в эстетическом пространстве [3, с. 199–201]. Гегель, например, поддерживал идею К. В. Ф. Зольгера и определял иронию как «бесконечно абсолютную отрицательность» [4, с. 74]. С. Кьеркегор, поддерживая основную точку зрения Гегеля, в своих исследованиях подчеркивал субъективность и сдержанность иронии [9]. Томас Манн отличает иронию от юмора и сатиры, рассматривая иронию как пафос и подчеркивая объективность этого пафоса. «Ирония, — пишет Т. Манн, — есть пафос середины» [5, с. 71]. В статье «Искусство романа» он также указывает: «дух эпического искусства — дух иронии» [10, с. 277].

Если рассматривать способы реализации иронии, то можно отличать иронию, реализованную в контексте, от иронии, реализованной с помощью литературных приемов. Определение формы иронии в зависимости от ее источника и способа реализации может считаться надежным критерием классификации, который позволяет точно различать ее разные виды. Объективность и субъективность — это две основные категории иронии.

Большое количество примеров для изучения иронии можно найти в произведениях А. П. Чехова, для индивидуального стиля которого важно использование средств иронии. Ученые по-разному смотрят на иронию: Э. С. Афанасьев видит в иронии модус, который помогает реализовать «индивидуализацию» [1, с. 20, 299–301]. «Новаторская трактовка чеховской иронии, обусловленной интертекстом, представлена в работах Р. Г. Назирова и А. Я. Кубасова. С их точки зрения, взаимодействие текста и интертекста определяет интонационное своеобразие творчества А. П. Чехова, его “эмоциональную двусторонность”, о которой в свое время писал и А. П. Скафтымов» [6, с. 36]. Ранее Томас Манн писал об иронии у Чехова: «Жизненная правда, к которой прежде всего обязан стремиться писатель, обесценивает идеи и мнения: она по природе своей иронична, и это часто приводит к тому, что писателя, который превыше всего ценит истину, упрекают в беспринципности, равнодушии к добру и злу, отсутствии идей и идеалов» [10, с. 528–529]. И хотя современники обвиняли Чехова в отсутствии авторской социальной ответственности в его творчестве, Т. Манн видит объективность в иронии писателя — стремление к показу жизненной правды. Эта объективность дает читателю возможность более независимого, беспристрастного понимания и чувствования персонажей и сюжета. Кроме того, ирония становится не просто злой насмешкой, а идейно-эмоциональной ориентацией, пронизанной многообразием переживаний.

Позднее Э. А. Полоцкая уделила большое внимание идее объективности: «Когда мы у Чехова сталкиваемся с этой особой, выраженной не в отдельных словах, а в контексте всего произведения, иронией, мы не воспринимаем ее как авторскую оценку. Она нам представляется усмешкой самой жизни, всевидящей и всезнающей» [12, с. 19]. В соответствии с трактовкой Полоцкой, чтобы осознать иронию Чехова, необходимо внимательное и неоднократное прочтение текста. В отличие от объективной иронии субъективная ирония является, напротив, прямой и мгновенной. Этот вид иронии не требует контекста, а создается с помощью многозначной лексики. Для нас фокусом анализа и интерпретации являются различные виды иронии в рамках категории объективности. Только на основе объективности можно обсуждать специфику и новаторство чеховской иронии.

В творческом наследии Чехова сравнительно мало произведений, в которых повествование дается от лица животных или детей. В них события описываются с такой точки зрения, которая совершенно отличается от взрослого понимания. Взаимодействие и столкновение абсолютно разных представлений придают повествованию абсурдный и юмористический характер. Именно в этом и проявляется ирония.

Результаты

«Гриша» (1886) — рассказ, написанный с точки зрения ребенка. Главному герою рассказа Грише всего два года и восемь месяцев, он еще не умеет нормально общаться со взрослыми, в том числе со своими родителями. Взрослые — няня,

мама — не могут понять его истинных мыслей и желаний и вынуждены полагаться на свой опыт и суждения. Мама не понимает, что разнообразные впечатления дня «давят его мозг», решает, что он приболел, и дает ему выпить ложку касторки.

В то же время у него было особое понимание мира: «Няня и мама понятны: они одевают Гришу, кормят и укладывают его спать, но для чего существует папа — неизвестно. Еще есть другая загадочная личность — это тетя, которая подарила Грише барабан. Она то появляется, то исчезает. Куда она исчезает? Гриша не раз заглядывал под кровать, за сундук и под диван, но там ее не было...» [16, с. 83]. Непонимание роли отца и поиски тети под кроватью довольно ироничны. Эта ирония полностью обусловлена детским мировоззрением.

Расхождение во мнениях существует и в случае с Ванькой Жуковым в рассказе «Ванька» (1886). Ванька считает, что, бросив письмо в почтовый ящик, он доставит его дедушке, но мальчик не указал точный адрес получателя и не наклеил марку. Когда он еще мечтает о том, что дедушка получит письмо и заберет его из города, читатели уже понимают, что эта прекрасная мечта не имеет никаких шансов на реализацию. Бедственное положение Ваньки, переплетение прекрасных воспоминаний о деревенской жизни и суровой безнадежной реальности приводят к тому, что его желание вернуться в деревню кажется особенно искренним и прекрасным. Эта искренняя, прекрасная надежда и твердая вера Ваньки в осуществление своей мечты с самого начала были обречены на провал, что и является центральным пунктом иронии в этом рассказе, который вызывает у читателей глубокое сочувствие к герою.

Помимо явной иронии в конце рассказа довольно ироничны и воспоминания Ваньки о деревенской жизни. Его дед и родители всю жизнь работали на помещика, сам он сын крепостного крестьянина, однако он не может этого осознать. Ванька не слишком опечален смертью матери, но с особым уважением вспоминает Ольгу Игнатьевну: «Больше всех хлопотала барышня Ольга Игнатьевна, любимица Ваньки. Когда еще была жива Ванькина мать Пелагея и служила у господ в горничных, Ольга Игнатьевна кормила Ваньку леденцами и от нечего делать выучила его читать, писать, считать до ста и даже танцевать кадрили. Когда же Пелагея умерла, сироту Ваньку спровадили в людскую кухню к деду, а из кухни в Москву к сапожнику Аляхину...» [16, с. 480–481]. Очевидно, что в сознании Ваньки не было особо глубокого понимания отношений, основанных на положении и статусе. Он не упоминает о своем отношении к работе и заработку деда и матери, а вспоминает конфеты, которые давала ему Ольга, и то, как она учила его, когда было свободное время.

В отличие от Гриши Ванька был достаточно взрослым, чтобы увидеть и почувствовать на себе злобу других людей. В письме он подробно описал, как его избивал и мучил хозяин. Он жаждал вернуться в деревню и был готов на любую тяжелую работу: «...ежели думаешь, должности мне нету, то я Христа ради попрошусь к приказчику сапоги чистить, али заместо Федьки в подпаски пойду» [16, с. 480]. Он больше не хотел оставаться у сапожника Аляхина и с нетерпением ждал возвращения в деревню, от которой у него остались прекрасные воспоминания, даже если там ему пришлось бы каждый день выполнять тяжелую работу и, возможно, подвергаться таким же наказаниям.

Наряду с Ванькой мучениям и избиениям подвергается и главная героиня рассказа «Спать хочется» (1888) — 13-летняя нянька Варька. Тяжелая работа не оставляла ей времени на отдых, хозяин же и хозяйка не только постоянно приказывали ей работать, но и, когда она была измучена и почти засыпала, били ее по затылку или громко кричали на нее. В конце концов, не выспавшаяся в течение многих дней она не выдержала: «Она все понимает, всех узнает, но сквозь полусон она не может только никак понять той силы, которая сковывает ее по рукам и по ногам, давит ее и мешает ей жить. Она оглядывается, ищет эту силу, чтобы избавиться от нее, но не находит. Наконец, измучившись, она напрягает все свои силы и зрение, глядит вверх на мигающее зеленое пятно и, прислушавшись к крику, находит врага, мешающего ей жить. Этот враг — ребенок» [18, с. 11–12]. Чтобы отдохнуть, она задушила младенца и вскоре сама заснула.

Прежде всего, стоит отметить, что мучения Варьки, скорее всего, не были ограничены одним днем. Один день в сюжете — это лишь отражение тяжелого труда не одного месяца. Ее усталость также нарастала постепенно. Варька была еще ребенком, и ни физически, ни психологически она не могла выдержать такую напряженную работу, с которой не справился бы даже взрослый человек.

В конце рассказа Варька рассматривает младенца как своего врага и убивает его. Она, очевидно, считает, что теперь ей не придется больше терпеть жестокие мучения и тяжелую работу, и спокойно засыпает. Но, когда она проснется, ей придется столкнуться с еще более жестокой реальностью. Она не считает своего хозяина и его жену врагами, не дающими ей жить, что, несомненно, связано с судьбой ее родителей. Зная, что случилось с отцом и как отреагировала мать, Варька не понимает роли помещиков, которые заставляли их работать. Она не осознает и того, что из-за хозяев ей каждый день приходится работать на износ. Ее восприятие мира, конечно, абсурдно, но именно этот абсурд вызывает сочувствие читателя.

На протяжении всего рассказа только младенец остается невиновным, но умирает именно самый невинный. Хозяин и хозяйка, ставшие источником страданий Варьки, спокойно спят по ночам. Варька верит, что она расправилась со своими врагами и ее будущее будет полно надежды, но это только иллюзия. Противоречие и переплетение прекрасных надежд и жестокой реальности служат основой иронии в произведении, как и в рассказе «Ванька».

Рассказы, где главными героями являются маленькие дети и животные, имеют общие черты с точки зрения использования иронии. Однако рассказы, написанные с точки зрения животных, встречаются гораздо реже. Среди них наиболее представительными являются «Каштанка» и «Белолобый».

Главный герой рассказа «Каштанка» (1887) — молодая рыжая собачка по имени Каштанка. С точки зрения постороннего наблюдателя, новый хозяин относился к Каштанке гораздо лучше, чем прежний. Но когда она услышала, как ее позвали прежним именем, она все же решительно вернулась к Луке Александрычу и Федюшке. Вкусная же еда и тренировки у нового хозяина стали для нее длинным, перепутанным, тяжелым сном.

Каштанка с самого начала сравнивала двух своих хозяев и две среды обитания: «У незнакомца обстановка бедная и некрасивая; кроме кресел, дивана, лампы и ковров, у него нет ничего, и комната кажется пустою; у столяра же вся квартира битком набита вещами; у него есть стол, верстак, куча стружек, рубанки, стамески,

пилы, клетка с чижигом, лохань... У незнакомца не пахнет ничем, у столяра же в квартире всегда стоит туман и великолепно пахнет клеем, лаком и стружками. Зато у незнакомца есть одно очень важное преимущество — он дает много есть и, надо отдать ему полную справедливость, когда Каштанка сидела перед столом и умильно глядела на него, он ни разу не ударил ее, не затопал ногами и ни разу не крикнул: «По-ошла вон, треклятая!» [17, с. 433]. Привязанность к окружающей обстановке отражала личные предпочтения Каштанки, но отношение двух хозяев к собачке было совершенно разным. «Когда она... из тощей, костлявой дворняжки обратилась в сытого, выхолненного пса» [17, с. 440], сторонний наблюдатель мог бы подумать, что у Каштанки нет причин возвращаться к прежнему хозяину, но у Чехова очевидно, что взгляд собаки на мир отличается от мировоззрения людей. Верность, присущая собакам, заставляет ее вернуться в худшие условия жизни.

В другом рассказе, «Белолобый» (1895), Чехов также использует в качестве главного героя маленькую собаку: «Это был не ягненок, а щенок, черный, с большой головой и на высоких ногах, крупной породы, с таким же белым пятном во весь лоб, как у Арапки» [19, с. 102–103]. В отличие от «Каштанки» повествование в этом рассказе ведется от лица волчицы, а Белолобый является объектом ее наблюдений.

История происходит в марте, когда старая и слабая волчиха не может найти в лесу добычу, чтобы прокормить трех своих волчат, и решает отправиться в хлев сторожа Игната, чтобы поймать ягненка. Но в панике она по ошибке уносит из хлева маленького щенка. На следующий вечер, когда Белолобый медленно возвращается домой, волчиха решает опять взобраться на хлев по сугробу, но ей мешает щенок. Благодаря щенку овцы в хлеве снова спаслись. Когда Игнат вышел с ружьем, волчиха уже убежала. Не увидев волчиху, Игнат решил, что весь шум последних двух дней был вызван тем, что Белолобый играл, разобрал крышу и ушел гулять. На следующее утро он даже наказывал его хворостиной и сказал, чтобы он «ходил в дверь».

Белолобый лишь маленький щенок. В его мире нет четких понятий. В его глазах волчиха пришла поиграть с ним, и он никогда не осознавал ее злобы. С другой стороны, Белолобый спас имущество Игната, но тот считал, что все это произошло из-за игривости щенка, что, несомненно, является большой иронией. Белолобый никогда не поймет, почему Игнат его бьет и ругает, он также не поймет, почему его наказывают. А ирония заключается именно в этом. С точки зрения не обнаружившего следов волчихи Игната, во всем виноват щенок.

Заключение

В пяти вышеупомянутых рассказах, главными героями которых являются дети или животные, важнейшей особенностью сюжета является несоответствие их кругозора и окружающей среды. Это несоответствие является также основой иронии. По сравнению с другими произведениями необычное восприятие жизни у главных героев в этих рассказах не имеет большого отношения к их жизненному опыту или полученному образованию. Они сохраняют простое, своеобразное, наивное восприятие мира. По словам В. Б. Катаева, «теплый юмор рассказов Чехова о детях (“Гриша”, “Детвора”, “Событие”, “Мальчики”, “Беглец”) основан на том же: в детском восприятии и мышлении примелькавшиеся вещи и поступки соотнесены с

неожиданной шкалой мерок и ценностей; мир как бы увиден заново, то, что привычно и узаконено во взрослом мире, обнаруживает свою относительность» [7, с. 47, 13]. Конечно, с точки зрения читателя, взгляды детей кажутся абсурдными, но для них это лучший ответ, который они могут найти. У них есть своя система понимания, и когда они используют эту систему для того, чтобы столкнуться с событиями реальной жизни взрослого общества и справиться с ними, они естественным образом реагируют на них кажущимся абсурдным образом.

Хотя в этих произведениях присутствует ирония, Чехов не выражает в них никаких насмешливых эмоций. В этих текстах нет четкой личной позиции автора, однако ирония вызывает у читателя сочувствие и симпатию к судьбе главных героев. М. М. Бахтин подчеркивал важность читателя для завершения произведения [2, с. 349–350]. В. Б. Катаев утверждает, что при изучении Чехова необходимо учитывать как контекст произведения во время его создания, так и различные интерпретации, которые оно получало в процессе распространения [8, с. 11]. Вышеупомянутые произведения не только отражают социальные проблемы, которые Чехов наблюдал в обществе того времени, но и с помощью иронии раскрывают более глубокую, философскую тему: попытки людей и даже животных найти правду и ориентацию в совершенно незнакомой среде, даже если эти попытки кажутся другим абсурдными или безнадежными.

Таким образом, ирония в рассказах о детях и животных имеет такие черты: использование иронии обусловлено глубинной главной чеховской темой — «ориентацией человека в окружающем его мире, попытками разобраться в нем, найти правду» [7, с. 55]. Кроме того, читатели могут ясно оценить тщетность действий главных героев перед лицом невзгод. Чеховская ирония, как пишет З. С. Паперный, «позволяет видеть в одном и том же человеке смешное и трогательное, волнующее и нелепое, честное и беззащитное» [11, с. 23]. Все это в совокупности позволяет понять уникальность и новаторство иронии в прозе Чехова.

Литература

1. Афанасьев Э. С. Творчество А. П. Чехова: иронический модус: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Ярославль: Изд-во Ярослав. гос. пед. ун-та им. К. Д. Ушинского, 1997. 302 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1986. 446 с.
3. Бычков В. В. Эстетика: учебник. Москва: КНОРУС, 2012. 528 с.
4. Гегель Г. Эстетика: в 4 томах. Москва: Искусство, 1968. Т. 1. 312 с.
5. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учебное пособие. Москва: ФЛИНТА, 2023. 248 с.
6. Кадирова Н. А. Ироническая деталь в художественной системе А. П. Чехова: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Уфа: Изд-во Башкир. гос. пед. ун-та им. М. Акмуллы, 2022. 186 с.
7. Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 326 с.
8. Катаев В. Б. К пониманию Чехова: «ближний» и «дальний» контексты // К пониманию Чехова. Москва: ИМЛИ РАН, 2018. 248 с.

---

9. Кьеркегор С. О понятии иронии с постоянным обращением к Сократу: диссертация магистра. Копенгаген, 1841. URL: <https://www.musa.narod.ru/kjer.htm> (дата обращения: 01.04.2025).

10. Манн Т. Полное собрание сочинений: в 10 томах. Москва: ГИХЛ, 1961. Т. 10. 696 с.

11. Паперный З. С. Стрелка искусства. Москва: Современник, 1986. 254 с.

12. Полоцкая Э. А. О поэтике Чехова. Москва: Наследие, 2001. 240 с.

13. Сангажапова Т. Б., Башкеева В. В. Типология персонажей А. П. Чехова в отечественном литературоведении рубежа XX–XXI вв. // Вестник БГУ. Филология. 2024. № 2. С. 56–64.

14. Тамарченко Н. Д. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. Москва: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.

15. Чудаков А. П. Поэтика и мир Антона Чехова. Возникновение и утверждение. Москва: Эксмо, 2024. 383 с.

16. Чехов А. П. Полное собрание сочинений: в 30 томах. Москва: Наука, 1976. Т. 5. 704 с.

17. Чехов А. П. Полное собрание сочинений: в 30 томах. Москва: Наука, 1976. Т. 6. 736 с.

18. Чехов А. П. Полное собрание сочинений: в 30 томах. Москва: Наука, 1977. Т. 7. 735 с.

19. Чехов А. П. Полное собрание сочинений: в 30 томах. Москва: Наука, 1977. Т. 9. 544 с.

Статья поступила в редакцию 29.03.2026; одобрена после рецензирования 25.04.2026; принята к публикации 19.05.2026.

THE PECULIARITY AND FUNCTIONS OF IRONY IN A. P. CHEKHOV'S STORIES ABOUT CHILDREN AND ANIMALS

Zhang Rui

Research Assistant

Department of History of the Russian Literature

Philology Department

Lomonosov Moscow State University

1, Building 51, Leninskiye Gory, 119234 Moscow, Russia

zrntwjc@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the peculiarities of A. P. Chekhov's irony in works about children and animals (the stories *Grisha*, *Vanka*, *Sleepy*, *Kashtanka*, and *Whitebrow*). The irony in Chekhov's stories about children and animals differs from other types of irony in the writer's works, because children and animals as heroes of the stories have a special view of people and events with which they encounter. For this article, the thoughts expressed in the monograph *On the Poetics of Chekhov* by E. A. Polotskaya are important. A textual analysis of the stories was conducted, and the internal similarity between the objects of study was examined. The most important feature of the plot of these stories is the discrepancy between the consciousness of the heroes and their environment: not only the plot peripeties, but also the absurdity of consequences are closely connected with this discrepancy. The absence of an authorial position allows for the formation of a broader space for interpretation. In all cases,

---

irony stems from the context. The author concludes that irony in these stories cannot be considered a manifestation of the author's subjective attitude, but can be regarded as irony of life and even irony of fate. Moreover, irony in such stories evokes sympathy and compassion in the reader instead of mockery or satire.

Keywords: A. P. Chekhov, irony, objective irony, irony of fate, peculiarities of irony, indirect irony, Chekhov's poetics, interpretation, context.

For citation

Zhang Rui. The Peculiarity and Functions of Irony in A. P. Chekhov's Stories about Children and Animals. *Bullet of Buryat State University. Philology.* 2026; 2: 45–52 (in Russ).

The article was submitted 29.03.2026, approved after reviewing 25.04.2026; accepted for publication 19.05.2026.